

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

ИСЛАМ

**РЕЛИГИЯ,
ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984**

ББК 86.38
И 87

Ответственные редакторы
П. А. ГРЯЗНЕВИЧ, С. М. ПРОЗОРОВ

**Ислам. Религия, общество, государство. М.,
И 87** Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1984.

232 с.

В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г. Собранные вместе, они составили как бы единое исследование таких аспектов истории ислама, как возникновение мусульманской религии и Коран; религиозно-политическая идеология ислама и ее развитие; ислам и общество; ислам и государство.

И $\frac{0400000000-174}{013(02)-84}$ 15-84

ББК 86.38

ИСЛАМ

Религия, общество, государство

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. В. Негря. Младший редактор И. И. Исаева. Художник Г. И. Шиф. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14889

Сдано в набор 20.03.84. Подписано к печати 29.08.84. Л-012891. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5606. Зак. № 209. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

П. А. Грязневич

АРАВИЯ И АРАБЫ

(к истории термина *ал-'араб*)

И расходятся люди во мнениях о том,
почему арабов называли арабами.

Абу Мансур ал-Азхари
(ум. в 980-81 г.)

Возникновение и семантическая эволюция термина *ал-'араб*, ставшего самоназванием арабских народов,— комплексная проблема. Изучение ее является компетенцией не только лингвистов-семитологов, но и историков и этнологов. Значение термина должно определяться для каждого исторического периода особо и с учетом этнической и социальной характеристики обозначаемой им общности.

Наиболее ранними письменно засвидетельствованными исходными формами термина *ал-'араб* считают слова (*māt*) *а р - б а - а - а*, (*māt*) *ариби*¹ и их фонетические варианты, содержащиеся в анналах ассирийских и нововавилонских царей (VIII—VI вв. до н. э.) и происходящие от семитского корня *ʿgb*— «быть сухим, пустынным»².

Как прилагательное в значении «пустынный», «сухой», «безводный» и как имя нарицательное для обозначения бесплодной или невозделанной местности (степи, пустыни)³ эти слова засвидетельствованы в текстах на аккадском, арамейском и древнееврейском языках. Ими названы каменные степи, песчаные и полупесчаные пустыни Месопотамии, Сирии, Палестины, а также Северной Аравии между Евфратом и Нилом.

Те же слова *ариби-'араб* прилагались и к обитателям этих местностей. Контексты анналов ассирийских царей и Библии ясно показывают, что речь идет о населявших эти местности племенах кочевников, передвигавшихся на ослах и верблюдах, живших в шатрах и разводивших овец, коз и верблюдов.

Тексты ассиро-вавилонских анналов и библейские книги, повествуя о событиях, связанных с землей *ариби-'араб* и ее обитателями, приводят названия многих родов, племен и племенных союзов. Однако среди этих племенных названий этнонимы *ариби*, *'араб* и их фонетические варианты не засвидетельствованы.

Слова *'араб* нет ни в знаменитой «таблице народов» в Библии (Быт. X), ни в перечне потомков Исмаила (Быт. XXV, 13—15; I Хрон. I, 29—31), которые «жили от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии» (Быт. XXV, 18) и которых обычно называют «арабами», ни в каком-либо другом собственно библейском генеалогическом предании. «Арабы» в качестве сынов потомков Исмаила появляются в этногеографических комментариях ранних библейских экзегетов.

Семантика слов *ариби*, *'араб* и контексты их употребления в имеющихся памятниках древности, в том числе их географические характеристики, не дают повода считать их самоназванием какого-то одного племени или общим самоназванием кочевых племен пустынь и степей Аравии и Передней Азии. Эти словатермины не обнаруживают какого-либо конкретного этнического или лингвистического значения, появляясь в названных выше текстах как видовое название обитателей степных и пустынных местностей, непригодных для земледелия. Словами *ариби*, *'араб* называют в этих памятниках разные группы кочевых племен, в том числе и такие, которые находились друг от друга на расстоянии многих сотен километров и не имели между собой ни взаимно признаваемых кровнородственных связей, ни союзных отношений.

Однако для их соседей — оседлого земледельческого населения (в частности, ассирийцев и евреев) — они представляли собой очевидную этносоциальную общность. Их объединяли место и условия обитания, а также сходный образ жизни и тип хозяйства, сходство во внешнем облике, принадлежность к иным религиозным культам и к другому типу социальной организации.

Таким образом, как этнонимы слова *ариби* и *'араб* явно принадлежат к той же категории древних этнических названий, что и амореи, ханаанеяне, арамеи, финикияне, евреи и др., которые по происхождению были не племенными именами, а прозвищами или собирательными наименованиями, данными этим семитским племенам и народам их соседями⁴. Например, вождь кедаритов Гешем назван «арабом» (*hā'ārābī*, Неemia, II, 19; VI, 1; ср. также ниже: Ja 950, 1—2; M 392).

Что касается самих племен, обозначенных как *ариби*, *'араб*, то они именовали себя по своим родовым и племенным названиям (например, небайот-набатей, кедар, лихйан, самуд, тайма, салам и т. п.). Этот способ самоопределения составлял, как известно, специфику этносоциального самосознания в родовом обществе. Вместе с тем следует отметить, что эти кочевые и полукочевые племена скотоводов-верблюдоводов, пастухов и охотников принадлежали к одному этнолингвистическому и социально-культурному массиву, выделявшемуся среди обитателей Аравии и Переднего Востока. Его можно назвать праарабской этноплеменной общностью, поскольку именно от него в конечном счете ведут свое происхождение племена, составившие в середине

VII в. н. э. ядро новой общности, принявшей в качестве самоназвания слово *'араб* — «арабы».

Этот праарабский массив племен в процессе распада семитского языкового единства постепенно обособился от других родственных ему по языку и происхождению родо-племенных групп и народов. После миграции в Переднюю Азию арамеи племена этого массива стали основной и преобладающей частью населения Аравийского полуострова. Обитая в степях и пустынях, пригодных в основном только для кочевого скотоводства, эти племена в течение многих столетий сохраняли один и тот же образ жизни и тип хозяйства, равно как и близость языка, в целом не нарушенную и последующим развитием племенных диалектов.

Наконец, за период с VIII в. до н. э., когда появился термин *ариби-'араб*, по VII в. н. э. на территории обитания праарабской этноплеменной общности не отмечено вторжений новых крупных этнических групп. Происходили войны, массовые угоны пленных, миграции племен, возникали и распались племенные союзы, однако этнолингвистический состав населения на этой территории оставался в основном неизменным. Это способствовало сохранению за кочевниками степей и пустынь Аравии и Переднего Востока их старого названия — *'араб*.

Дальнейшие сдвиги в значении слов, образованных от корня *'r b*, которыми обозначали пустынные местности и их обитателей, связаны с употреблением их в иноязычной среде и с постепенным усилением роли кочевых племен во внутриполитической жизни Аравии и Ближнего Востока. Значительное повышение боеспособности верблюжьей кавалерии, после распространения седла с лукой, резко активизировало участие кочевников в военно-политических конфликтах Византии и Ирана, а также в междоусобных войнах южноаравийских государств. Их отряды выступали в качестве самостоятельной боевой единицы в составе регулярного войска. Слово «арабы» в первые столетия нашей эры часто употреблялось (например, римлянами и византийцами) и как военный термин в значении «воины-кочевники» (на верблюдах, реже — на конях).

Особую роль в сохранении и распространении термина *'араб* (и его вариантов) в качестве этнонима и топонима сыграли труды греческих и латинских географов и историков. Самое раннее известное упоминание «арабов» в античной литературе, как считают, содержится у Гомера в «Одиссее» (IV, 81—85), где они названы словом *'Ερεβούι*, еще в древности вызвавшим разночечивые толкования и атрибуции. Современные исследования (в частности, И. Ш. Шифмана) дают основание считать это слово греческой передачей финикийско-угаритского прототипа (*'erebu*, мн. ч. *'erebuna*; или *'erebbu*)⁵. Именно у греков возник топоним «Арабия» (упомянут в «Прометее» Эсхила, 525—456 гг. до н. э.), принятый и современной европейской географической номенклатурой. Им античные авторы называли самые разные

«пустыни» — и в Месопотамии, и в Южной Сирии и Палестине, и в Восточном Египте. Геродот прилагал его расширительно (и несколько неопределенно) также и к территории собственно Аравийского полуострова.

Следующим шагом в развитии значения топонима «Арабия» было возникновение представления о «трех Аравиях», отразившего расширение знаний об Аравийском полуострове и его обитателях. По этой концепции, вся зона степей и пустынь на восток и юго-восток от Средиземноморского побережья делилась на Аравию Каменистую (*Arabia Petraea*) — пустыни Синайского полуострова и территории на юг и юго-восток от границ Палестины; Аравию Пустынную (*Arabia Deserta*) — районы Месопотамии вдоль обоих берегов Евфрата, Сирийскую пустыню и прилегавшие к ней степи и пустыни Северной Аравии; наконец, Счастливую Аравию (*Arabia Felix*), включавшую почти весь Аравийский полуостров от границ обитания набатеев, лихйан и самуд (например, на картах Клавдия Птолемея, II в. н. э.).

Термин «Арабия» все дальше уходил от значения исходного для него слова *'араб* как имени нарицательного для безводной, невозделываемой степи или пустыни. Он все больше становился общегеографическим названием территории Аравийского полуострова в целом. Следует добавить, что в доисламских памятниках письменности, принадлежащих собственно населению Аравийского полуострова, в том числе и Южной Аравии, *'араб* как топоним не засвидетельствован. В них вообще отсутствует слово, обозначающее всю территорию Аравии.

В античной литературе совершило дальнейшую эволюцию также и значение слова-этнонима от корня *'gb*, которым — в форме мн. ч. *'Αράβιοι* (ед. ч. *'Αράβιος*), другая форма — *'Αραβ* (мн. ч. *'Αραβες*) — после Геродота стали именовать всех обитавших на территории, обозначенной на древних картах и в историко-географических трудах термином «Арабия», включая и оседлое население Южной Аравии⁶. Исходное слово *'араб* в этом употреблении приобретает теперь также и определенно этническое содержание. Наряду с этим общим наименованием приводится и множество локальных этнонимов, отражавших конкретную этноплеменную географию Аравии.

И в античной книжной традиции, и у следовавших ей авторов I—V вв. термин *'араб* был не единственным общим обозначением обитателей Аравии⁷. Наряду с ним широкое распространение имело слово «сарацины», в первые века нашей эры ставшее собирательным наименованием кочевых племен, обитавших на той же территории, которую в VIII—VI вв. до н. э. обозначали как *ариби*, *'араб*⁸. В «Географии» Птолемея (II в. н. э.) в перечне обитателей «трех Аравий» слово «арабы» вообще не употребляется. В известной «таблице народов» Ипполита из Рима (ум. в 235 г.) наряду с арабами названы сарацины, таййиты, мадйаниты и др.⁹. В сочинениях на сирийском языке более обычным было название таййиты (*ṭayyūyē*), образованное от

названия большого кочевого племени тайй. Так, в хронике Йошу Стилита (начало VI в.) Лахмиды и Гассаниды названы соответственно «таййиты персидские» и «таййиты ромейские» Үаууәуә d^e Pursāyē; Үаууәуә d^e Bēt Rhūmāyē) ¹⁰.

В эпиграфических памятниках Южной Аравии слово 'араб встречается со II в. н. э.¹¹. В конце IV — начале V в. это слово появляется уже в официальной титулатуре химйаритских царей как обозначение особой категории подданных в составе Химйаритского государства, не принадлежащих к его коренному населению, объединенному оседлыми общинами, не входивших в его социальную организацию и не участвовавших в его религиозной жизни ¹².

Слово 'араб засвидетельствовано в южноаравийских надписях в форме мн. ч. — *a'rab^{an}* и имени собирательного — *'arab^{an}*. Оно употреблялось применительно к бедуинам-кочевникам, населявшим в основном степные и пустынные районы на побережье Красного моря и на северных и восточных окраинах Сабейского и Химйаритского государств. Чаще всего оно обозначало отряды воинов-бедуинов на верблюдах (реже — на конях), которых южноаравийские правители привлекали — за плату или по союзным обязательствам — для участия в междоусобных войнах или в походах за пределы государства.

Слова *a'rab* и *'arab^{an}* не обнаруживают конкретного этнолингвистического содержания. Они сопрягались с названиями разных кочевых племен или племенных союзов (например, кинда, мурад, мазхидж и др.). Им иногда противопоставляется слово *xgr*, которым в надписях обозначали оседлое население, живущее в городе и в его сельской округе, т. е. собственно носителей южноаравийской культуры: «...и начертал эту надпись кайл Шаррах'ил Йакбул, из [рода] Йаз'ан, когда он совершил поход на Наджран [7] вместе с общиной хамдан, живущими в поселениях (*xgr^{an}*) и кочующими (*'arab^{an}*), и с войском азанитов, и с отрядами всадников (*a'rab*) из кинда, мурад, и с кайлами...» ¹³.

Засвидетельствована также и форма нисбы (имени относительного) от 'араб в мужском роде ед. ч. — 'rbyп (Ja 950, 1—2, надпись из Хадрамаута: 'tybt/bn/'mrm/'rbyп ¹⁴ — «Атйбат, сын 'Амрама, араб»), а также в женском роде ед. ч. — 'rbyt (в списке иеродул, составленном между III—I вв. до н. э. о посвящении в храм в Ма'ине: 'rbyt/bn/kdr ¹⁵ — «арабка из кедара», т. е. из племенного союза кедар в Сирии: 'rbyt выступает здесь вместо имени собственного посвящаемой) и двойственного числа 'rbytyп (Ja 961, 1—3: gdwт/wšndm/'rbytyп/mbnytyhn ¹⁴ — «Гадват и Шандум, две арабки, мубанитки», т. е. из племени мубан в Хадрамауте).

Слова эти, как можно видеть, служат здесь общим видовым названием, указывающим на принадлежность лица не к какому-то определенному родо-племенному коллективу (племени, союзу) или к определенной местности, а к особой социальной категории людей, живущих в Хадрамауте, и в Аравии, и в Сирии и

не относящихся к собственно носителям южноаравийской культуры.

В то же время в огромном множестве граффити времени от V в. до н. э. и до VII в. н. э., принадлежащих как раз тем обитателям Аравии, которых книжная традиция и эпиграфические памятники называют «арабами», само слово 'араб не встречается. Известны, кажется, лишь два граффити, также из Южной Аравии (район Наджрана), в которых 'араб употреблено как часть личного имени, явно как прозвище — Йазрав'ил 'Араб¹⁶ (ср. Филипп Араб, римский император, ум. в 249 г., уроженец Бостры), — происходящее, как и приведенные выше нисбы 'гбул, 'гбут, от слова 'араб как имени нарицательного («житель пустыни», «степняк-кочевник» и т. п.).

Как известно, этнопонима 'араб нет и в сохранившихся памятниках словесности бедуинов доисламской Аравии, в частности в древней поэзии¹⁷. Нет его и в тексте Корана. В Коране засвидетельствованы, однако, два слова, происходящие от корня 'гв. Одно из них, 'араби, — относительное прилагательное «арабский»¹⁸, другое, ал-а'раб, — имя собирательное, которым в Коране названы бедуины-кочевники, обитавшие в пустынях вокруг Медины и Мекки¹⁹. Слово 'араби употреблено как определение к трем словам: лисан, кур'ан и хукм, т. е. «язык-речь», «возглашение-чтение» и «(богооткровенная) мудрость». Им определен язык откровения, возглашенного устами Мухаммада для того, чтобы отличить его от языка непонятого и чужого (а'джами) сородичам и соплеменникам пророка²⁰.

Необязательность такого определения очевидна: как уже говорилось, нет текстов, из которых бы следовало, что какая-то часть населения Аравии называла себя словом 'араб или определяла бы свой язык через посредство этого слова. Оно бытовало только в лексиконе соседних народов или отдельных этнокультурных групп в самой Аравии (в частности, иудеев, христиан, сабейцев, маинцев и т. п.).

Все десять сур Корана, в которых употреблено слово 'араби, произнесены в сравнительно короткий период — между 619 и 623 гг.; позднее Мухаммад не пользовался им. Эти годы были решающим периодом в пророческой судьбе Мухаммада. Осыпаясь насмешками и угрозами своих соплеменников, он был отвергнут также и теми, кого считал своими естественными идейными союзниками в борьбе с язычеством, — иудеями и христианами. Как раз в это время и появляются стихи, в которых Мухаммад заговорил о языке откровения.

Сохранилось предание, повествующее о том, что поводом к появлению откровений о языке были якобы слова иудеев: если бы проповеди Мухаммада были действительно божественным откровением, то он говорил бы на языке Бога, т. е. на языке Торы, а не на «языке арабов»²¹. Отвечая им, Мухаммад возвестил от имени Бога, что это откровение ниспослано именно «на языке арабском, понятном» (лисан 'араби мубин). Тем самым

родной язык Мухаммада возводился в ранг «священного языка» и отвергалось одно из весьма веских возражений против истинности его пророческой миссии.

Указания комментаторов Корана на то, что стихи о языке откровения были ответом на возражения мекканских (и мединских) иудеев, объясняют и употребление в них выражения *лисан 'араби*, воспроизводящего еврейское *lāšhon 'arābhī* — «язык арабский», засвидетельствованное в памятниках III в. н. э. как название языка язычников — обитателей Аравии²². Появление в этом выражении слова *'араби* обычно толкуют как доказательство существования этнонима *'араб* в языке соплеменников Мухаммада в качестве их общего самоназвания. Между тем содержание Корана ясно указывает на отсутствие у Мухаммада понятия о надплеменной «арабской» общности. Этносоциальная терминология Корана, особенно мекканского периода, не выходит за рамки племенного сознания, выраженного в древней бедуинской поэзии и естественного для родового общества: это прежде всего термины, обозначающие сородичей и соплеменников Мухаммада, жителей Мекки, составлявших его *каум* (сородичей по мужской линии), племя курайш и их союзников.

Мухаммад выступил в то время, когда этноплеменная разобщенность по происхождению имела еще абсолютный смысл и составляла основу общественного сознания. Это было естественным порядком вещей и для самого Мухаммада, и он не искал путей к его изменению, к созданию межплеменной этнической общности.

Его целью было устранить разобщение людей по религиозному культу. В Коране осуждается не этноплеменная разобщенность, а многобожие. Также и во всей поэзии накануне ислама и во времена Мухаммада не высказывалось призыва к племенной консолидации или к созданию общности иного рода²³. Применительно к первой четверти VII в. можно говорить лишь о существовании смутной идеи единства обитателей Аравии как этнологической и культурной общности²⁴. Более отчетливо осознавались общность языка в противоположность иноязычному миру (*а'джам*) и общность социально-культурная оседлого населения, противопоставившего себя кочевникам пустынь и степей Аравии, названных в Коране термином *ал-а'раб*.

Единый культ Аллаха стал на первых порах ведущим фактором формирования нового общественного сознания, и первым действительно общим самоназванием большинства жителей Аравии стали религиозные по семантике термины *му'мин* (мн. ч. *му'минун*) и *муслим* (мн. ч. *муслимун*). Значения этих слов — «верующие» и «предавшие себя (воле) Бога», — как и значение выражения *лисан 'араби*, сложились по моделям однокоренных слов в языке аравийских иудеев²⁵.

Этноним *ал-'араб* как самоназвание появляется в широком обиходе впервые, по-видимому, среди мусульманских армий, вступивших на территории византийской Сирии и сасанидского

Ирана в 30—40-е годы VII в. Тогда впервые огромная разнородная масса племен, собравшихся из разных уголков Аравии, Палестины и Сирии и принадлежавших к разным генеалогическим группам, оказалась перед лицом общего противника, объединенная не только общностью языка, но и общим командованием, общей целью и общей верой. Ранние комментаторы Корана и генеалоги второй половины VII—VIII вв. выработали понятие об «общеарабской» генеалогической общности, соединив — с помощью фиктивных эпонимных имен — верхние ряды родословий в единое генеалогическое древо арабов и включив его в библейскую генеалогическую систему с Адамом во главе.

Как и слово *'араби* в Коране, этноним *ал-'араб* был заимствован из словоупотребления в среде (так или иначе — по языку или только по культуре), причастной к библейской иудео-христианской традиции; именно она сохраняла этот возникший в древности термин для обозначения обитателей Аравии, теперь воспринятый и ими самими. Подтверждением сказанному может служить и этимология этнонима *ал-'араб*, восходящая к историко-этнологической традиции первой половины VIII в. и принятая средневековыми арабскими филологами. Согласно этой этимологии, этноним *ал-'араб* происходит от слова *'араба*, которым будто бы прежде называли Аравию²⁶. В этом слове нетрудно увидеть библейско-еврейское *'āgābāh* — имя нарицательное для обозначения безводной, пустынной местности. Существенно отметить, что словом *'араба* арабские филологи называли и всю территорию обитания аравийских племен, и отдельные ее районы, в частности каменистые степи в Южной Палестине (между Мертвым морем и заливом Акаба), пустыни в Сирии и Месопотамии, а также в самой Аравии. В этом случае употреблялось слово *ал-'арабāt* (мн. ч. от *'араба*), т. е. «аравий», «(страна) аравий». Понимание слова *'араба* как «пустыня, степь», а слова *ал-'арабāt* — как «страна пустынь, степей» подсказывается контекстом их употребления. Таким образом, арабская филологическая традиция VIII—XI вв. подтверждает происхождение слов *'араб* — *'араби* от общесемитского корня *'r b* через библейские формы *'āgābāh*, *'āgāb*, *'āgābī*.

Принятое средневековыми арабскими филологами и историками определение понятия «арабы» не включало собственно этнического признака и ограничивалось географическим и языковым.

Иакут (ум. в 1229 г.), обобщая их точки зрения по этому вопросу, писал: «Из всего этого становится ясным и истинным, что все те, кто живет в Аравии и говорит на языке ее обитателей, и есть арабы (*ал-'араб*) — арабами их называли по названию их страны *ал-'Арабат*»²⁷.

Наконец, к первой половине VIII в. относится распространение собственно арабского географического термина для обозначения всей территории Аравийского полуострова; он был образован с помощью этнонима *ал-'араб*: *ард ал-'араб*, *билад ал-*

'араб, а позднее — *джазират ал-'араб* — «Земля арабов», «Страна арабов», «Остров арабов».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Происхождение этих слов, так же как и их начальное значение и синонимичность, остается спорным. Терминологическую определенность слово *ариби* обнаруживает особенно в анналах Саргона II (715 г. до н.э.), Синахериба и Ашшурбанипала (походы 652—642 гг. до н.э.), см.: E. Ebeling. *Araber*.— *Reallexikon der Assyriologie*. 1. B.—Lpz., 1932, с. 125a—126b; I. Eph'al. «Jshmael» and «arab(s)»: a transformation of ethnological terms.— *JNES*. 1976, vol. 35, № 4, с. 225—235.

² Библиографию и историю вопроса см.: J. Henninger. *La société bedouine ancienne*.— *L'antica società beduina*. Roma, 1959, с. 71 и сл.; см. также: И. Ш. Шифман. Арабы у Гомера и Геродота.— *ПС*. Вып. 9 (72), 1962, с. 69—70.

³ Ср.: K. Petrásek. *Gindibu'-Arabija—ein Safa-Araber?*—*AOr*. 27, 1959, с. 44; Eph'al. «Jshmael»..., с. 228.

⁴ И. М. Дьяконов. *Языки древней Передней Азии*. М., 1967, с. 39—41.

⁵ См.: F. Altheim und R. Stiehl. *Die Araber in der alten Welt*. Bd 1—5. B., 1964—1969, Bd 1, с. 165 f.; D. H. Müller. *Arabia*.—*P.-W. RE*; B. Lewis. *The Arabs in History*. L., 1962, с. 11—12. Шифман. *Арабы...*, с. 69—70. И. Ш. Шифман полагает, что в угаритских текстах термин *'эрбума* означал «пришельцы», «чужаки» и противопоставлялся термину *сананума* — «воины», которым обозначались члены гражданского общества Угарита (устное разъяснение).

⁶ Altheim—Stiehl. *Die Araber...* Bd 1, с. 165 ff.; Lewis. *The Arabs...*, с. 12.

⁷ S. Krauss. *Talmudische Nachrichten über Arabien*.—*ZDMG*. 1916, Bd 70, с. 321—324.

⁸ Бартольд. *Сочинения*. Т. 6, с. 235; Lewis. *The Arabs...*, с. 12; Ph. Hitti. *History of the Arabs*. 7th Ed. L., 1960, с. 44; D. Müller. *Sarakeni*.—*P.-W. RE*; Altheim—Stiehl. *Die Araber...* Bd 2, с. 324 ff.

⁹ A. Börs. *Der Turmbau von Babel*. Stuttgart, 1957, 2/3, с. 932 f.

¹⁰ Krauss. *Talmudische Nachrichten...*, с. 324; G. E. von Grönebaum. *The Nature of Arab Unity before Islam*.—*Arb*. 10, 1963, с. 5—6; Altheim—Stiehl. *Die Araber...* Bd 2, с. 329.

¹¹ M. Höfner. *Die Beduinen in der vorislamischen arabischen Inschriften*.—*L'antica società beduina*, с. 60 и сл.

¹² А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI в.—*ПС*. Вып. 8 (71), 1961, с. 107—108; A. F. L. Beeston. *Kingship in Ancient South Arabia*.—*JESHO*. 1972, vol. 15, с. 257.

¹³ A. Jammé. *Sabaeen and Hasaen Inscriptions from Saudi Arabia*. Roma, 1966, с. 40—41 (*Ja* 1028, 6—7).

¹⁴ См.: A. Jammé. *The Al-'Uqlah Texts*. Washington, 1963 (*Documentation Süd-Arabe*, 3), с. 50, 53. На эти тексты мне любезно указал Г. М. Байэр.

¹⁵ М 392, С 38. Указанием на этот текст я обязан А. Г. Лундину.

¹⁶ Jammé. *Sabaeen...*, с. 18 (*Ja* 1011, 1).

¹⁷ Умар Фаррух. *Ал-'Араб фи хадаратихим ва сакафатихим*. Бейрут, 1968, с. 31; Müller. *Arabia*, с. 344—345; W. M. Watt. *Muhammad at Medina*. Oх., 1962, с. 143; ср.: Grönebaum. *The Nature...*, с. 20.

¹⁸ Коран XII, 2; XIII, 37; XVI, 105/103; XX, 112/113; XXVI, 195; XXXIX, 29/28; XLI, 2/3, 44; XLII, 5/7; XLIII, 2/3; XLVI, 11/12.

¹⁹ Коран IX, 91/90, 98/97—102/101, 121/120; XXXIII, 20; XLVIII, 11, 16; XLIX, 14.

²⁰ Watt. *Muhammad at Medina*, с. 143.

²¹ P. Khale. *The Qur'an and the 'Arabiya*.—*I. Goldziher Memorial Volu-*

me. P. 1. Budapest, 1948, с. 174; R. Dvořák. Über die Fremdwörter im **Koran**.— SBAW. Berl. Bd 109, 1895, с. 486.

²² Ch. Rabin. 'Arabiyya.—EI². Vol. 1, с. 561.

²³ H. A. R. Gibb. Arabic Literature. 2nd Ed. Ox., 1963, с. 30—31.

²⁴ Watt. Muhammad at Medina, с. 143; Bell's Introduction to the Qur'an, Completely Revised and Enlarged by W. Montgomery Watt. Edinburgh, 1970, с. 7.

²⁵ J. Horowitz. Koranische Untersuchungen. В.—Lpz., 1926, с. 54—56.

²⁶ Лисан ал-'араб ли-л-нимам... Абу-л-Фадл Джамал ад-дин Мухаммад... ал-Хазраджи. Т. 1—20. Булак, 1300—1307/[1882—1890], т. 2, с. 76 и сл.

²⁷ Пакут, т. 3, с. 634 (=Лисан ал-'араб..., т. 2, с. 77).